

Скончался Альфред Шнитке

Начало см. стр. 1

Наш соотечественник и современник, Альфред Шнитке — единственный композитор, который после Дмитрия Шостаковича оказался способным писать музыку на том же уровне драматического осмысления действительности. Период официального признания его в России и во всем мире длился немногим больше десяти лет.

Родион Щедрин (1990): «Творческая судьба Альфреда Шнитке складывалась нелегко и даже драматично. На долю его выпало немало несправедливости... Но вот чем меня всегда восхищал Шнитке. В атмосфере бесконечных осуждений, запретов, препятствий, которые чинились его музыке, равно как и безудержных восхвалений и фимиама (по другую сторону), он делал лишь одно — писал музыку».

Гудон Кремер (1989): «Альфред является большим зеркалом времени, потому что он не заигрывал, не кокетничал с этим временем, а жил в нем... С тем же ориентиром на непреходящие ценности он не стесняется быть в конфликте с самим собой, в конфликте со временем, в конфликте даже с тем, что пишет».

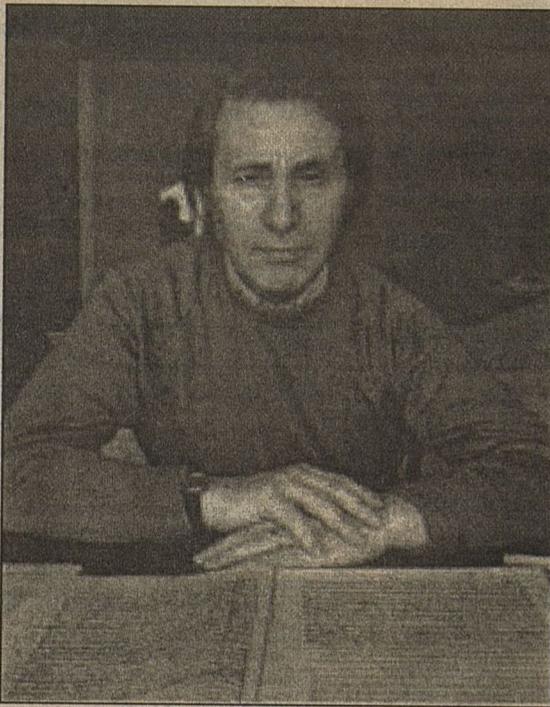
Мстислав Ростропович (1990): «Шнитке — всеобъемлющий, всеохватывающий гений. Его искусство, его музыкальный язык кажутся мне универсальным общечеловеческим явлением».

Пласидо Доминго (1998): «Альфред Шнитке — это гений, которому удалось найти новый музыкальный язык для второй половины XX века. Не нужно быть большим мудрецом, чтобы предсказать, что его музыка будет жить и в последующих столетиях».

Альфред Шнитке родился 24 ноября 1934 г. в Поволжье (город Энгельс) в семье журналистов. В 1958 г. закончил Московскую консерваторию исполнением оратории «Нагасаки». Первое произведение сразу заявило о появлении не просто талантливого молодого композитора, но способного вобрать в себя трагические впечатления бытия и найти музыкальные способы выражения их глобальной сущности. Апокалиптическая тема остается в творчестве композитора до конца. Его привлекают сверхэкспрессионистические измерения. Он серьезно занимается литературой и философией. К.Штокхаузен, П.Булез, Л.Ноно, Д.Лигетти, Л.Берио, К.Пендеревский интересуют его как представители запрещенной в России модернистской техники.

Стремительно он проходит этапы освоения додекафонии, серийной техники, «новой простоты», «тихой музыки», атональности, смешанной техники, поп-музыкальных новаций, полистилистики. Он говорит о «неудовлетворенности от чрезмерного доверия к рациональному и разумному», «ностальгии по оставленному интонационному миру». В конце 70-х наступает период зрелого индивидуального стиля Альфреда Шнитке. Он по-прежнему входит в группу музыкальных диссидентов вместе с Денисовым, Губайдулиной и другими. Их имена запрещены к упоминанию в средствах массовой информации. Они имеют возможность существовать только писанием прикладной музыки. Шнитке пишет музыку почти к 40 кинофильмам и восьми спектаклям, где свободно экспериментирует с музыкальным материалом.

«Каждое сочинение возникает как будто бы в последний раз... Произошло полное освобождение от технологических норм, — говорил Шнитке. — Мое музыкальное развитие сходно с развитием некоторых коллег и друзей — от фортепьянного романтизма, неоклассицистского

Альфред Шнитке.

академизма до эклектического синтеза (Орфф, Шенберг), затем я обратил внимание на очевидные преимущества самоограничения. Прибыв же на конечную станцию, я решил покинуть столь переполненный поезд. С тех пор стараюсь ходить пешком».

Музыка Альфреда Шнитке с каждым стилистическим поворотом не теряет прежних измерений, а изумительным образом поворачивает их другой гранью, которая вступает в абсолютное согласие с новыми средствами и задачами. Последний период — это простота и лаконизм средств, полное владение эмоциональной сферой слушателя и неограниченное проникновение в философские измерения. «Я нашел ответ, когда понял, что нет ответа», — сказал он и... замолчал.

К Альфреду Шнитке, творцу и мыслителю, самым непосредственным образом относится его собственное высказывание о Святославе Рихтере: «Его проблемы располагаются на уровне более высоком, чем чисто музыкальный, они возникают и решаются на стыке искусства, науки и философии, в точке, где единая, еще не конкретизированная словесно и образно истина выражается универсально и всеобъемлюще».

По завещанию композитора он будет похоронен в России.

ВИКТОРИЯ ГАНЧИКОВА

Москва

Когда умирает человек, все изгибы его жизни, все противоречия перестают что-либо значить. Прожитая жизнь предстает перед нами одновременно, как единое целое, как «миг вечности». И тогда, по выражению В.П.Бобровского, явственно проступает «основной тон» личности. Каков он — этот тон? Светлый и щемящий, пронизывающий насквозь, острый — трагический и прекрасный, — таким я вижу и слышу Шнитке.

Весть о смерти Альфреда Гарриевича Шнитке застала меня врасплох: ведь как ни готовишь себя к мысли о неизбежной кончине тяжело больного человека, это всегда неожиданность, удар, тем более, что я знала Шнитке больше 30 лет и когда-то у него училась.

Для моего поколения Альфред Шнитке значил столь же много, как для предшествующего — Дмитрий Шостакович. Помню, как мы с нетерпением ждали появления его новых сочинений, как переживали его премьеры, слушали его произведения в магнитофонных записях, переписывая их друг у друга. И каждый «шнитковский опус» — событие, новый виток его творческой эволюции. В 60-е годы его музыка

(как и Эдисона Денисова, Софии Губайдулиной) — знамя запретного авангарда, далее полистилика — разрыв герметической замкнутости и плюрализм музыкального мышления, выход в новое измерение. И вдруг в середине 70-х — «новая простота»: для одних — шокирующая измена авангардным принципам, для других — знак поворота к истинным, вечным ценностям (так, по словам поэта Арсения Тарковского, «Реквием» Шнитке — это музыка «и до XVIII в., и после нас»).

Композитор Альфред Шнитке никогда ничего не приукрашивал, не стремился уйти от страшных реалий нашей эпохи, не пытался выстроить идеальный гармоничный мир. Он был как струна, чутко реагирующая на вибрации времени. В своем творчестве Шнитке никогда не щадил ни себя, ни своих слушателей: прослушать произведение Шнитке, если отдаться этой музыке целиком, — все равно что прожить целую жизнь. Я всегда удивлялась, как он может жить, неся в себе все эти миры, каждый из которых, наверное, раздавил бы, уничтожил «простого смертного»!

Но ему помогала жить вера.

Альфред Гарриевич был глубоко верующим человеком. Он крестился поздно — в 48 лет. Как многие люди нашего поколения, он пришел к этому не сразу, и не просто по семейной традиции, а долгим, сложным путем — путем исканий, сомнений, размышлений, но пришел уже «раз и навсегда». Это не изменило его отношения к своему художественному предназначению, но изменило «точку отсчета».

Памяти композитора

К творчеству Шнитке особенно хочется отнести слова любимого им Достоевского: «Тут дьявол с Богом борются, а поле битвы — сердца людей». В произведениях Шнитке 80-х годов мы встречаем и разрушительное «танго смерти» (solo Мефистофеля из кантаты «История доктора Иоганна Фауста», сцена смерти Фауста), и божественный свет Хоровых концертов.

Тем же светом веры, но и прощания озарены 7-я и 8-я симфонии, написанные уже в годы последней болезни. Тогда нам казалось, что это эпилог его творчества. Но композитор продолжал писать: так возникла 9-я симфония, исполненная впервые совсем недавно — 19 июня, в Большом зале Московской консерватории, в торжественный день вручения премии «Gloria». Это был дей-

ствительно творческий подвиг: перенесший четыре инсульта (пятый оказался последним) и три клинические смерти, Альфред Гарриевич нашел в себе духовные силы продолжать творить, записывая то, что он слышал внутри себя, записывая ноты левой рукой!

В это тяжелое время неоценимой была помощь и поддержка его преданной жены и верного друга — Ирины Федоровны Шнитке. Композитор не мог говорить, но он говорил на языке музыки. Видевший смерть так близко, как никто из нас, живущий на грани двух миров, он пытался выразить звуками то, что уже не поддавалось выражению...

ЕВГЕНИЯ ЧИГАРЕВА

Москва